

Нужна дамба?

Напрашивается поиск альтернативы тому взаимодействию Б-стран с А-странами, которое имеет место сейчас, и я не первый, кто пытается её хотя бы грубо наметить. Но прежде, чем перейти к ней, не возвращаясь к давно прошедшему, всё же вспомним, что исламская опасность для Б-стран возникла не вчера, этот плод завязался в результате первой мировой войны и начал вызревать в результате второй. Первым его отведал Израиль. В большинстве европейских Б-стран до сих пор упорно и заносчиво не понимают, что Израиль, борясь за самосохранение, борется также с той опасностью, которая подбирается и к Европе. Когда судьбоносная неприятность стучится в дверь соседа, этот стук не хотят замечать, даже злорадствуют.

Но судьба зловеще и всё настойчивей стучится прямо в двери Б-стран уже 15 лет: от террористической диверсии пятнадцатилетней давности в Нью-Йорке до недавних терактов в Брюсселе, Париже, Ницце, в Берлине... В результате с ИГ приходится бороться не только авиации и не только военным советникам Б-стран, но и внутри этих стран – их разнообразным полицейским службам. Только последнее время общественность этих стран начала кое-что слышать, понимать и просыпаться, ставя тем самым долго спавший истеблишмент в двусмысленное положение.

Не слыша угрозу

Несколько месяцев назад уважаемая канцлерин Германии назвала ислам частью Германии. Тогда эта мысль показалась неправдоподобной, но после нападения в Берлине, она иронически подтвердилась – он действительно пришёл.

После многочисленных ужасных событий, как не усомниться в успешности сегодняшнего развития событий?

Признаюсь с сожалением, мне не удалось понять истинные причины решения правительств многих европейских стран и особенно Германии принять миллионы беженцев из арабских стран.

Говорится о сердобольной помощи бедствующим, Папа Римский будто бы даже призвал принять всех бедствующих, что, конечно, неосуществимо: Европа слишком мала для сотен миллионов переселенцев из Азии и Африки. Поскольку же правительство любой европейской страны избрано всё-таки для блага именно своего народа, естественно предположить, что у такого правительства, помимо сердобольной доброты к чужим народам, имеются ещё какие-то замыслы.

Глухо говорится об исправлении таким образом плачевной европейской демографической ситуации. Однако, не говоря уж о мерах по повышению рождаемости среди коренного населения (вот где и ещё в образовании были бы полезны упомянутые 20 миллиардов), для этой цели существуют и другие средства. Они известны: выборочный приём нужных работников на определённые рабочие места, приём работников из восточной Европы (например, из более бедных стран восточной Европы вплоть до Украины), гораздо более подходящих ментально, и, наконец, организация выполнения нужной работы в виде некоторого подобия вахтового метода. Из всего этого мне известно лишь об очень слабом выборочном приёме, слабом потому, что перед людьми ставятся уж очень неприемлемые условия.

Остаётся предположить совсем странное: от страха перед терактами пытаются задобрить террористов массовым приёмом в Европу мусульманских беженцев, политических, религиозных, экономических – без разбора. И заодно с ними – будущих террористов. Берлинского террориста не удалось задобрить.

Попутно. Как будто развёрнутой метафорой ко всем этим событиям выглядит пьеса «Мамаша Кураж и её дети», созданная Бертольдом Брехтом перед второй мировой войной. В ней маркитантка Кураж, корыстно перетаскивая свою кибитку вслед за армиями Тридцатилетней войны, от эпизода к эпизоду её жизни получает одно несчастье за другим. Она поёт песню – воспоминание. В молодости, «с моими стремлениями к высшему»,

Я не знала, что такое половина,
И не знала слова «компромисс».
Позже, в прагматичной, как сказали бы теперь, зрелости
На коленях я уже стояла
И уже лежала на спине.
(Перевод С.Апта)

Эта песня названа песней о «Великой капитуляции».

Альтернатива

Думается, что обществу Б-стран придётся в поиске альтернативы провести ревизию своих фундаментальных воззрений и ценностей. Эта ревизия печальна. Предстоит, видимо, признать, что гуманистические представления общества, на пути к которым преодолено так многое, далеко не полностью приняты в самом этом обществе (имеется в виду развитие антисемитизма), и тем более слишком отличаются от состояния остального мира, – кажется, опережают его развитие, их не удаётся распространить на этот мир. Более того, может быть, они совсем не подходят ему?

Можно представить себе ревизию в двух направлениях. Во-первых, не нужно ли отказаться от миссионерских притязаний внедрить свои ценности в чуждую им среду? Вместо этого не ограничиться ли помощью в проведении реформ да и то только в том случае, если общество А-страны действительно созрело эффективно использовать такого рода помощь? Если так поступить, придётся закрывать глаза на что-то неприятное, даже неприемлемое для сознания народов Б-стран (но не жизненно опасное для них!).

Более того, и это – во-вторых, придётся ещё внимательней, чем теперь, постоянно заниматься нейтрализацией опасностей (Б-странам со стороны А-стран) и всё-таки при необходимости – решительно и жёстко устранять наступление такой беды, которая неумолимо надвигается. Среди таких бед первая – оружие массового уничтожения в распоряжении того или иного экспансионистски возбуждённого общества А-страны.

Выработке такой концепции и затем следованию ей препятствует многое. Ведь пришлось бы, по-видимому, отказаться от очень важной веры в равенство всех людей на планете и всех их обществ, от веры в то, что все люди имеют одинаковые реальные и моральные ценности и, главное, что все общества идут именно к тому устройству, которого уже достигли и которое ещё совершенствуют общества Б-стран. Отсюда следует, в частности, урезание идеи глобализации экономики и пр.

На пути к такой концепции возникает даже подозрение, что вера в равенство и в меры по выравниванию рождена всего лишь самодовольством европейской цивилизации, колонизаторской в недалёком прошлом. Её идеологам кажется, что только она, цивилизация Б-стран, – вершина прогресса человечества и что осталь-

ные общества Земли не относятся к существенно другим цивилизациям, не менее ценным (но ценным по своему!), а обречены подтягиваться из их болотных трясин к сиянию этой европейской вершины. Потому что эти народы, де, не хуже европейских народов, в принципе равны им, вот только не сознают счастья тянуться по пути Б-стран, чтобы когда-то стать не отличимыми в общественном отношении. И происходит это то ли из-за их детского недопонимания, то ли злонамеренно. В сущности, не придётся ли признать, что всё это – глубоко укоренившееся колонизаторское, даже расистское представление о второсортности, недоразвитости или, по крайней мере, детскости людей других цивилизаций, представление, которое лицемерно притворяется верой в равенство всех людей на Земле.

Попутно пришлось бы отбросить мысли о том, кто лучше и кто (в их утешение говорится: пока!) хуже, а принять, что народы равны не в велении откуда-то свыше всем равняться на Б-страны, а действительно равны самим решать свои главные проблемы: или культивировать свои привычки, или тянуться за Б-странами, словом, развиваться дальше так, как им хочется. Но с ограничением: не создавать проблем друг другу и, уж совсем непререкаемо, – Б-странам.

Коротко говоря, этот подход заключается в отгораживании от чуждого мира, отгораживании психологическом, моральном и даже строительством барьеров. Предстоит гибко комбинировать два способа поведения: по мере возможности – невмешательство Б-стран в дела беспокойных соседей и по мере необходимости – сдерживание соседей, в том числе решительное.

Попутно. Как это ни неприятно, не уклонюсь пояснить применённый эвфемизм «сдерживание», да ещё с усилением «решительное». Подразумеваю под этим вполне обычное, не раз опробованное поведение. Не вмешиваться во внутренние дела закоренелых А-стран. Исключить поставки им оборудования или каких-либо приборов и знаний, которые могли бы быть использованы для производства вооружения. В крайних случаях превентивно уничтожать лаборатории и производства оружия массового поражения. Наконец, оружием противодействовать агрессии против Б-страны. И не надеяться, что любители «сесть за стол переговоров» сумеют убаготворить агрессора словами; на самом деле, они удовлетворят своё властолюбие и его аппетит за счёт какой-нибудь страны, которой им лично не жалко (пример – Мюнхенский сговор премьеров Великобритании и Франции с Гитлером за счёт Чехословакии в 1938 году).

Не исключено, что А-страны не поголовно, не вдруг или даже никогда не превратятся в Б-страны, и оборонительное состояние Б-стран придётся длительно считать нормальным. Но на этом месте справедливо возникают вопросы: а как же с борьбой «за мир во всём мире», как быть с нашей надеждой на «вечный мир»? Не знаю другого ответа, кроме самого простого: жить так же, как с надеждой на рай или на коммунизм. Эти мечты прекрасны и, быть может, необходимы, но не нужно путать мечты с действительной жизнью. А если бы такие мечты осуществились, то, вероятнее всего, человечество деградировало бы в расслабленном сне и затем исчезло, и этот результат не многим лучше, чем исчезновение из-за применения оружия массового поражения.

Опыт человечества в сдерживании громаден. Самые яркие примеры: Рим, Китай. Сдерживание нацисткой Германии (тогда тоже А-страна) осуществляла большая коалиция Б-стран, да ещё с привлечением СССР. Хельсинские соглашения – тоже элемент сдерживания, на этот раз по отношению к СССР: некоторое умиротворение его и обязательства о послаблении его внутреннего режима были достигнуты в обмен на всеобщее признание нерушимости образовавшихся в результате войны границ в Европе (часть Финляндии, Молдавия, Восточная Пруссия, две Германии и сдвиг на Запад Польши).

Нужно заметить, что, помимо перестройки идеологии, а это психологически тяжело, пришлось бы ещё поступиться серьёзными экономическими преимуществами слишком плотного взаимодействия Б-стран с А-странами в использовании их природных ресурсов, в сбыте там товаров, в организации там производств на

основе более дешёвого труда. Подозреваю, что сознательно сдерживать своё, грубо говоря, корыстное вмешательство окажется Б-странам ещё труднее, чем преодолеть психологические барьеры.

В итоге, складывается впечатление, что отказ от подобного переосмысления вряд ли оставит какой-нибудь иной путь, кроме сегодняшнего пути вовлеченности в бессмысленные войны и привыкания к террору. Однако, может быть, есть иные альтернативы продолжению сегодняшнего положения? Я бы очень хотел о них узнать. Напоминаю мой электронный адрес: iofiev@t-online.de.

28.12.2016

20.12.2017

Добавление от 23.01.2017.

На днях прочитал на сайте «Радио свобода» беседу двух разумных людей: Д. Волчека с Л. Шевцовой. Обсуждая приход президента Трампа, они касаются широкой проблемы состояния западного общества. Вот, вероятно, ключевая фраза: «Обама пришёл в Белый дом на закате постмодернизма – целого этапа в мировой истории, который стал временем относительности, политической эклектики и отказа от принципов как внутри либеральных демократий, так и на международной арене». Существующее отношение к исламу выглядит как немаловажное проявление этих явлений.

